

Катрин БРЕЙЯ, французский режиссер:

В изображении сексуальности нет ничего греховного

Со скандально известным режиссером Катрин БРЕЙЯ, автором фильма «Порнократия», вчера стартовавшего в парижском прокате и показанного на фестивале в Роттердаме, побеседовал обозреватель «Известий» Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

Известия 2004 - 30 янв - стр 2

— Катрин, вы единственная из известных режиссеров, кто посвятил все свое творчество одной теме: войне полов. Почему?

— Речь не о войне, а о странности самого существования двух полов. О том, есть ли между ними стена: вот в чем вопрос! Все мы — только мужчины и женщины. И нет ничего более основного. Меня всю жизнь мучит проблема сексуальной самоидентификации. Иногда я больше ощущаю себя мужчиной. Во всяком случае, уверена, что будь я мужчиной, снимала бы картины на ту же тему. Про персонажей «Порнократии» важно понять, что они в каком-то смысле самый первый мужчина и самая первая женщина, встретившиеся на земле, — словно бы мифологические мужчина и женщина. В киносказке, встретившись, они жили бы долго и счастливо, и она родила бы ему детей. Но у меня не сказка.

— Ваши фильмы считают феминистскими. Но в «Толстой девочке» или «Узком проливе» женщины тоже хороши. Вы чью сторону принимаете: мужчины или женщины? И кто из них жертва в «Порнократии»?

— Поймите же: неверно приписывать мне определенную идеологию — ту же феминистскую. В книге «Порнократия», по которой снят фильм, я, возможно, и правда оставалась в обуви женщины. Книга была направлена против мужского сообщества. Но в фильме я не принимаю ничью сторону. Кто из них жертва? Да оба персонажа жертвы. Все мы жертвы в этой ситуации разделения. Разница лишь в том, что мужчина — через секс и сексуальность — проходит в фильме путь познания женщины, переживает процесс инициации, а женщина уже обладает неким данным ей природой знанием. В

результате мужчина превращается из мужчины-зверя в человека слабого. Что и делает его человеческим человеком.

— Что для вас понятие порнографии?

— Нет такого понятия! Оно возникло только потому, что существует пуританизм, заставляющий людей чувствовать стыд и вину за все, что связано с плотью. Я убеждена, что в сексуальности и изображении тел в любви — ничего греховного и порнографического.

— У вас больше нет проблем с цензурой?

— Только потому, что в фильме нет ни одного слова, к которому мог бы придаться цензурный комитет (и ведь действительно: чего-чего, а слов нет. — «Известия»). Комитет придирается прежде всего к словам. Как только употребить некоторые, тут же раздаются вопли: «Это порнография! Ату ее!». Я не за отмену цензуры. Но мы должны иметь право использовать слова! Короче, ситуация двойственная. С одной стороны, фильм будет широко прокатываться во Франции — на него не пустят только лиц до 16, что нормально. С другой, я вижу, что современное общество становится все более консервативным и тоталитарным. Верх берет ретроградия. Лучшим примером является то, что я не смогла найти актрису, которая согласилась бы сниматься во всех сценах «Порнократии» без дублерши (на самом-то деле есть версия, что актриса Амира Казар снималась сама, а про дублершу придумано для того, чтобы уберечь ее от возможных обвинений в аморализме. — «Известия»).

— Вы легализовали для киномира Рокко Сиффреди. Как вы оцениваете его творческие способности?

— Он один из величайших европейских актеров современности.